

Альма матер: Новокузнецкому педагогическому институту — 50 лет

Ты вознеси нас всех туда, где кажется земля звездой...

С Тамилей Борисовной Афузовой мы близко познакомились, когда ездили к старейшине российского толстовского движения, главе тальжинской общины Борису Васильевичу Мазурину. Борису Васильевичу исполнилось тогда 90 лет, но он сохранял ясность ума и крепость рук. Мазурин трудился в огороде, никому не позволяя помогать себе. Тамиле Борисовна, подвижная, быстрая, как ртуть, мучилась на скамейке под навесом, куда определил нас хозяин. Ей не терпелось поскорее приступить к беседе, для нас очень полезной. На редкость ясная память Мазурин хранила много дат, имен, ситуаций, кроме того, он был мудр, как патриарх — настоящий кладезь знаний для вузовского преподавателя литературы.

ТАМИЛА Борисовна водила к Мазурину своих студентов. Студенты, пораженные возрастом и простотой быта толстовца, бросались помогать и сочувствовать ему. Решительно остановленные, удивлялись еще больше. Это был прекрасный урок толстовского творчества, жизни, неотделимого от творчества литературного.

...Знакомая, Тамиле Борисовна любит говорить: «Студенты зовут меня Тиней Борисовной». Но человек, принявший это уменьшение за сравнение, очень серьезно бы ошибся. За застойной тиней у Афузовой нет ничего общего. Тамиле Борисовна скорее огонь, фейерверк мыслей и идей. Продолжающийся во времени взрыв, если взрыв вообще может быть продолжительным...

Она природный преподаватель русской литературы. Но если сказать ей об этом, она будет отрицать этот дар со всем пылом, на какой способна. Скажет, что преподавание — это последнее, на что она согласилась бы, будь на то ее свободная воля. Что о литературе она никогда (да-да, никогда!) не думала как о единственной любви. Ну, была грамотной в юности, ну, много читала, так это же норма! Что вообще она мечтала о естественных дисциплинах: химии, физике, биологии, математике. Но жизнь — этот вечный стрелочник жизни! — направила ее совсем к другим пунктам назначения.

Началось все с того, что юная «естественница», выпускница престижной пятидесятой школы, вдруг привлекла к себе на экзамене внимание заведующего кафедрой русского языка педагогического института Василия Ивановича Панова. Того самого Панова, о ком на литфаке до сих пор ходят легенды, рассказывающие о его необыкновенной любви к языку. Панов сказал о выпускнице так: «Эта девочка наша. И ее место на нашем факультете». Это было даже не пожелание, а приказ: специалист увидел в девочке будущего коллегу и не хотел, чтобы она тратила время на опробование других вариантов. Но девочка была гордая и сказала что-то вроде: посмотрим. Но стрелки уже лязгнули, рельсы перевелись — и жизненная стезя повернула в сторону литературного факультета.

Но Афузова бы, наверное, не была Афузовой, если бы не попыталась свой паровозик притормозить. Она умудрилась написать на двойку сочинение. Собственно говоря, двойку ей поставили не за незнание, а наоборот, за излишнее знание. За «неправильную» оценку Горьким Чехова Валентин Александрович Кабин, еще одна легенда факультета, сказал тогда: «Ну что ж, сдавайте устный экзамен. Там посмотрим». По-

сле же устно повторил вывод Панова: «Вы природный филолог».

Потом студентка Афузова, кроме русского языка и литературы, изучила еще и английский язык и английскую литературу. Потом молодая учительница Афузова учила детей английскому языку... Но приговор судьбы был известен. И настал день, когда русская литература, оттеснив все прочие пристрастия, полностью вступила в свои права.

Школьный учитель всегда, как втягивает на распутье, стоит перед выбором: на кого ориентироваться? На слабого ученика, на среднего или на сильного? Афузова, нимало не сомневаясь в своей правоте, сразу подняла планку знаний на приличную высоту. Собственно говоря, уровень устанавливала, не учительница — это был уровень Пушкина, Лермонтова, Гоголя, чью жизнь и творчество она прививала к школьному дереву. Менее энергичные коллеги сразу усмотрели в этом «отрыв от общей массы». Ее упрекали: вы не хотите работать со слабыми. Не хочу, парировала Афузова, тормозить сильных. А хочу, чтобы слабые тянулись за ними.

Собственно говоря, подобные конфликты были всегда. Большая часть человечества все-таки хочет жить без забот и волнений, а тех, кто рвется вперед, старается осадить. В российской действительности подобные конфликты нейтрализуются двояко: либо энтузиаста просто-напросто затюкуют, либо приезжает «барин» и своей властью все разрешает.

В школу приехала замминистра просвещения. Прослушав урок Афузовой, посвященный Гоголю, она твердо сказала: «Это образец урока литературы». И от Афузовой отстали.

В подобном подходе к преподаванию есть свои подводные камни. Лидеры могут умчаться далеко вперед, а «слабачки» остаться далеко позади. У Афузовой так и было: одни ученики цитировали Платона и Аристотеля, другие писали сочинения на один балл. И внешне разрыв выглядел безграничным. Но литература — предмет особый. Никто, читая и слушая ее, не может сказать, что ничего не взял для себя. Порой результаты проявляются через много лет.

Была, например, такая ученица, Неля. Способная «математичка», она никак не являла интереса к литературе. Но вот однажды, встретив Афузову в электричке через много лет, совершенно ее удивила. Сказала: а я ведь всю свою жизнь построила по Тургеневу. Увезла мужа в деревню, стала учительницей. Следовала его заветам. Вот так, подумала Афузова, никогда не знаешь, где прорастет росток от брошенного тобой зерна.

Потом Афузову пригласили преподавать в педагогический институт. Здесь она развернулась еще шире. Студент — не школьник. То, что школьнику знать желательно, студент знает обязан. Мало какое невежество могло устоять перед огнем Тамиле Борисовны Афузовой. Произведения древнерусской литературы, литературы XVIII, XIX, XX веков звучали высоким слогом в институтских аудиториях, выжигая пламенные письма в умах студентов. Не знать литературу у Афузовой было не просто стыдно. Это было невозможно.

Как признавались сами студенты: «Вы наш мини-театр и суперучитель». Вероятно, всякий хороший учитель является хорошим актером. То, что Афузова не лишена артистического дара, видно сразу. Ее лекции, беседы не просто интересны и поучительны, они завораживают.

Причем не только студентов. Как-то Тамиле Борисовну пригласили в горком КПСС выступить перед сотрудниками аппарата с беседой о Достоевском. Приглашение последовало лично от первого секретаря, следовательно, явилось актом высокого доверия. Говорю это потому, что не все, знающие Афузову, хотели бы видеть ее на гор-

комовской трибуне. Но... пригласил первый, и сотрудники, собравшись в конференц-зале, приготовились слушать.

Но что они услышали? К ним обратился не вузовский преподаватель с беседой о великом русском писателе. К ним обратился сам Федор Михайлович со страстным призывом знать свой народ, любить его и беречь. К ним, как к тогдашним реальным властителям, направлены были слова Достоевского о власти и ответственности. Зал, слегка ошарашенный смелостью мыслителя и доклады, молча внимал. Первый секретарь кивал в такт докладу, прикрыв глаза. По залу летали электрические молнии. И только когда Афузова ушла, гроза разразилась. Первый секретарь, не стесняясь непарламентских выражений, громогласно спрашивал: «Что, отвыкли от нормальной человеческой речи?! Околдовала она вас?! Обворожила?!».

А что? Можно было и признаться в этом. Обворожила. Как делала это неоднократно с теми, кому выпадало счастье быть ее собеседником или слушателем.

Люди среднего и старшего поколения хорошо помнят знаменитую брежневскую трилогию «Малая земля», «Возрождение» и «Целина». Ее изучали в школах, институтах, на политзанятиях и в трудовых коллективах. Афузова от трилогии отмахивалась: она всегда ощущала себя независимой и дорожила этим. Но вот однажды взяла книжку в руки и, к своему удивлению, зачиталась. Трилогия была написана добротным литературным языком, сюжет профессионально сбит и выдержан. Для главной премии страны это было, конечно, слабовато, но ценных зерен рассыпано в ней было предостаточно. Афузова взялась их собирать, и оказалось, что собранные вместе, они являют собой как бы свод размышлений и советов мудрого человека, подкрепленных к тому же подписью всевышнего генсека. Сейчас-то мы знаем, кто записывал и готовил «высокие» воспоминания к печати, можем догадываться, сколько своей боли и выстраданных мыслей вложил этот человек в тот труд. Но тогда нужно было иметь истинно независимое мышление, чтобы отделить плевелы пропаганды от зерен здравого смысла. Со своим пересказом трилогии Афузова выступала не раз и не раз же, когда приводила особо острую цитату, встречала резкое неприятие: «Как смеете вы говорить такое?» — но «авторство» Брежнева покрывало все. Что тут скажешь? В умелых руках и сугубо, казалось бы, пропагандистские материалы работали на слом системы.

Конечно, Тамиле Борисовна не только преподаватель русской литературы. Да, мне кажется, русскую литературу нельзя просто преподавать. Другую, вероятно, можно. Русскую — нет. И говорю это вовсе не из великодержавных соображений, дело в том, что русская литература никогда не была литературой только для чтения. Она всегда тянулась выше, построение общественного сознания, воспитание высоко нравственного человека было ее не последней задачей, а возможно, и первой. Афузова остро чувствовала это. Поэтому, представляя студентам русских писателей XX века В. Астафьева, В. Распутина, Ю. Бондарева она, без опасения быть непонятой, ставила их рядом с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Толстым... Неважно, что по размерам литературного дарования наши современники уступали своим предшественникам. Дело, которое они делали, по своей значимости не уступало делу великих.

— А ведь вы, Тамиле Борисовна, еще и воспитатель своих студентов, — сказал я ей, — вы воспитываете в них любовь к России, к ее тысячелетней истории, к ее национальным и духовным богатствам.

— Слово воспитывать, — ответил она, — Пушкин, Гоголь, Достоевский воспитывают. Я же пытаюсь передать это, помогаю студентам подниматься к высотам российской духовности, вырабатывать движение к национальной культуре, а через нее и к мировой. В нашей литературе есть все... Потому она и великая. А мы лишь служители ее.

В. ВАЛУЛИН.